

1917

Война и революции

3 августа 1917 г. в Москве на заседании съезда Всероссийского союза торговли и промышленности, объединявшего виднейших представителей большого бизнеса России, его председатель, банкир и меценат П.П. Рябушинский, резко критиковал «нерешительную политику» Временного правительства и вождей демократии, в которых видел виновников хозяйственной разрухи. Вывод же звучал вполне по-марксистски: «...Настоящая революция была революцией буржуазной... Те лица, которые управляют государством, должны буржуазно мыслить и буржуазно действовать». Министры-«капиталисты» и социалисты во главе с «главноуговаривающим» революции Александром Керенским таковыми уже не воспринимались. Нужна была иная фигура для действия — установления твердой власти и наведения порядка. Генерал-диктатор.

Полководец на белом коне не раз эффектно завершал эпоху революционного кавардака, как дядя и племянник Бонапарты в образцово-буржуазной Франции или генералы и полковники в менее образцовой, но более веселой Латинской Америке с ее красочными «пронунсиамьенто». В России 1917 г. роль «завершителя» революции предназначалась только что назначенному главнокомандующему — Лавру Корнилову.

Л.Г. Корнилов родился в 1870 г. в Семипалатинской области в семье чиновника. В 1898 г. окончил Академию генерального штаба, затем служил в Туркестанском военном округе, участвовал в русско-японской войне, был военным агентом в Китае, после чего находился на разных командных должностях на Дальнем Востоке, где дослужился до звания генерал-майора. С началом первой мировой войны командовал на фронте дивизией, попал в плен; после бегства из австрийского лагеря в 1916 г. стал национальным героем, получил под командование корпус и чин генерал-лейтенанта. После Фее-

ральской революции Корнилов некоторое время командовал Петроградским военным округом и во время апрельской демонстрации пытался расстрелять рабочих и солдат артиллерийским огнем. Был переведен на должность командующего 8-й армией, отличился во время наступления в июне 1917 г., а после его провала приказал расстреливать бегущих солдат. 30 июня Керенский произвел Корнилова в генералы от инфантерии, 8 июля назначил командующим Юго-Западным фронтом, а 18 июля — главнокомандующим.

Новый главнокомандующий и его Ставка к началу августа подготовили доклад правительству, в котором требовали немедленно ввести смертную казнь в тылу, распустить солдатские комитеты, а их члены, допустивших «противозаконные» действия, предать суду, ограничить функции фронтовых комиссаров, провести в запасных полках аресты «зачинщиков» беспорядков, расформировать все большевизированные части, а солдат передать в «исправительные» лагеря.

Временное правительство постановило «принципиально признать возможность применения тех или иных мер в тылу, до смертной казни включительно, но проводить их в жизнь лишь по обсуждению в законодательном порядке отдельно каждой данной конкретной меры». Сам же Корнилов уже перебрасывал со «своего» Юго-Западного фронта 3-й конный корпус, который должен был развернуться в отдельную «Петроградскую армию» и взять под контроль столицу.

Готовился и «второй эшелон» наступления, для которого подтягивались еще 7 пехотных и 3 кавалерийские дивизии. В самом Петрограде заранее откомандированные офицеры должны были спровоцировать беспорядки со стороны солдат и занять важные пункты, арестовать некоторых членов коалиционного правительства, а главное — депутатов Советов. Донскому атаману Каледину и его казакам предстояло захватить железную дорогу Ростов — Москва и сковать силы Московского гарнизона.

Интрига состояла в том, что об этих передвижениях Временное правительство знало и их одобряло. Между Керенским и Корниловым велись переговоры (посредниками служили управляющий военным министерством бывший эсер-террорист Б.В. Савинков и отставной обер-прокурор Синода князь В.Н. Львов) и было достигнуто соглашение о введении надежных войск в столицу и установлении военного

положения для противодействия Советам. Правительство издало указ об отсрочке созыва Учредительного собрания с сентября до ноября 1917 г. Савинков 23 августа лично вручил Корнилову подготовленные по распоряжению Керенского законопроекты о введении смертной казни и военно-полевых судов в тылу.

Но далее события приняли неожиданный оборот. Ни сами главные участники этой драмы, ни посредники (по глупости или ведя двойную игру) не сочли нужным договориться о способах разделения полномочий: Корнилов потребовал передать ему верховную власть и соглашался оставить Керенского министром юстиции. В результате 27 августа 1917 года, когда конный корпус двинулся на Петроград, министр-председатель Временного правительства объявил верховного главнокомандующего российской армии мятежником. Корнилов обратился к нации по радио:

«Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистских Советов действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба, и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, храмы, — молитесь Господа Бога о явлении величайшего чуда, чуда спасения родимой земли. Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что лично мне ничего не надо кроме сохранения великой России, клянусь довести народ путем победы над врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой государственной жизни. 27 августа 1917 г. Ставка» (цит. по: Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 251).

Керенский в ответ обвинил генерала в вероломстве и развязывании братоубийственной войны. Его посещали делегации «военных и гражданских лиц, предлагая отправиться к генералу Корнилову, с тем чтобы раз и навсегда покончить с "недоразумением"», свое нос-

редничество предлагали послы союзных России держав. Но Керенский не желал посредничества «между правительством и мятежным генералом».

Хорошо знавший Корнилова бывший начальник штаба русской армии М.В. Алексеев сказал, что у него «львиное сердце, а голова овечья». Бравый генерал плохо разбирался в политике — не видел различия между умеренным социалистическим руководством Петроградского Совета, который твердо поддерживал оборонительные усилия России, и выступавшими против войны большевиками. Своему начальнику штаба, генералу Лукомскому, Корнилов пояснил, что пришла пора «немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался». Правда, в окружении Корнилова предполагали не только вешать и расстреливать, но и создать коалиционное правительство, в состав которого должны были войти видные промышленники А.И. Путилов и С.П. Третьяков, кадет А.В. Карташев, бывшие деятели царского режима Н.Н. Покровский, граф П.Н. Игнатьев, первый председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов и даже Г.В. Плеханов. Но на практике никаких мер к установлению новой власти мятежники принять не успели.

И в чисто военном плане операция была плохо подготовлена. Три дивизии двигались на Петроград по разным дорогам, без ясно определенной задачи и связи друг с другом, как будто их командующий не ожидал противодействия правительственных войск. Да и как представлял себе Корнилов действия кавалерии в миллионном городе со значительным гарнизоном — при том что наводить порядок предстояло добровольцам «кавказской национальности» из «дикой дивизии»?

Но до боев дело не дошло. Солдат и казаков остановили разобравшие пути железнодорожники, а многочисленные агитаторы распропагандировали несостоявшихся карателей всего за один день 29 августа. Командующий корпусом генерал Крымов вынужден был отправиться с повинной к Керенскому и после разговора с ним застрелился, а Корнилов вместе с поддержавшими его генералами угодил под арест, где просидел вплоть до самой победы большевиков, после чего отправился на юг и стал основателем белого движения. Разгром «корниловщины» только упрочил власть Советов и роль большевиков в них, а авторитет Керенского уронил — и тем самым ослабил либерально-демократические элементы в обществе. Умеренно-

правые и умеренные социалисты не смогли сговориться. В результате революционный маятник качнулся далеко за пределы амплитуды, при которой можно было рассчитывать на сочувствие большинства населения России. Малочисленные, но энергичные радикалы получили возможность расправиться со своими политическими конкурентами и под лозунгами социалистического эксперимента выстроить общество, которому до сих пор не придумано точного названия.

Исчезновение монархии

Важнейшим фактором крушения монархии стала мировая война, но произошло оно вовсе не автоматически. Война вызвала патриотический подъем: австро-венгерские войска были разгромлены на полях Галиции, и русское командование стало готовить наступление на Венгрию и Берлин. Россия не зависела, как Великобритания или Германия, от импорта сырья; колоссальные людские резервы могли восполнить потери на фронте и недостаток рабочей силы в городах.

Но весной 1915 г. победы на Восточном фронте сменились поражениями. В расчетах на краткосрочность военных действий «ошиблись» все воюющие страны, но возможности для исправления ошибок у них были разные. У России вскоре иссякли запасы снарядов, выявилась нехватка тяжелой артиллерии и винтовок; изготовление современной техники — например, самолетов — требовало поставок импортных деталей. Пришлось срочно создавать органы государственного регулирования экономики в военных условиях — систему «Особых совещаний» (по обороне, перевозкам, топливу, продовольствию) с целью мобилизовать промышленность на выполнение военных заказов. В их состав вошли чиновники, представители Думы и общественных организаций (Всероссийского земского союза, Союза городов и Военно-промышленных комитетов), выступавших посредниками между казной и предпринимателями в заготовке амуниции и вещевого довольствия для армии и помогавших раненым и беженцам. Но хрупкое общественное согласие, обеспечивавшее работу этого сложного механизма, держалось исключительно на патриотическом порыве, который стал выдыхаться после первых же неудач на фронте.

С трудом удалось наладить массовый выпуск давно освоенной военной продукции (новинки техники вроде автоматической винтовки

так и не были запущены в производство). Но оказалось, что малая пропускная способность железных дорог, находившихся к тому же в двойном подчинении — Министерства путей сообщения и Ставки, — не могла обеспечить одновременно регулярного снабжения фронта и тыла и эвакуации из находившихся под угрозой захвата германской армией областей. Рост военных расходов привел к инфляции: в 1916 г. рубль «стоил» только 27 довоенных копеек. Одновременно были увеличены налоги на сахар, спички, керосин, табак и другие продукты массового спроса; в итоге уровень потребления простого обывателя в 1916 г. составил 40—50% от уровня 1913 г. Сокращение «гражданского» производства и отсутствие товаров заставляли крестьян придерживать хлеб. Нехватка продовольствия, по данным Министерства внутренних дел, уже в 1915 г. была отмечена в 500 городах и вызвала огромные очереди и даже разгром магазинов. С 1916 г. стали вводиться карточки на продукты в тылу, а из действующей армии приходилось посылать команды охотников на «отстрел зайцев для нужд Северного фронта».

Вновь начались забастовки с политическими требованиями: в 1915 г. бастовали 570 тыс. человек, в 1916 г. — уже 1170 тыс. В созванной летом 1915 г. Думе впервые после столыпинского переворота образовалось оппозиционное правительству большинство — «Прогрессивный блок», включавший все основные думские фракции (октябристов, кадетов и прогрессистов, националистов). Блок требовал у Николая II «министерства доверия» из компетентных и ответственных чиновников, расширения прав общественных организаций и органов местного самоуправления. Навстречу оппозиции пошли даже министры, направившие коллективное письмо царю о необходимости смены курса и отставки престарелого премьера И.Л. Горемыкина. Ответом были временный роспуск Думы (3 сентября) и увольнение наиболее «либеральных» министров. Но Николай II не поддержал и план Ставки по введению военной диктатуры, объединявшей руководство тылом и фронтом в одних руках, с привлечением пользовавшихся общественным доверием министров.

Начался развал власти: с января 1916 г. до марта 1917 г. сменилось три премьер-министра, четыре военных министра и шесть министров внутренних дел; свои посты покинули 57 губернаторов и градоначальников. Назначались наиболее послушные и бесцветные, мыслившие подобно тому же Горемыкину: «Верноподданные должны

подчиняться, какие бы ни были последствия. А там дальше воля Божья». Император не понимал, что укоренившийся в народном сознании стереотип «добрый царь — плохие бояре» служит надежной защитой монархии. Самодержец не боялся открыто обнаружить свою некомпетентность, производил необъяснимые назначения, вопреки всем советам лично возглавил терпевшую поражение армию.

Именно в это время возросло влияние Распутина. Хитрый «возжигатель дворцовых лампад» (его официальная должность) ничего не «приказывал» Николаю II — давления царь не потерпел бы. Через фрейлину Вырубову Распутин узнавал о заботах и пожеланиях царя и царицы, никогда не перечил их твердым намерениям, но зато на основе точной информации сообщал о явлениях ему святых и Божьей воле. Для мистически настроенной императрицы это было «божественным» подтверждением ее собственных мыслей, и она учила царя, как ему надо поступать. Так, знаменитый «брусиловский прорыв» летом 1916 г. был остановлен Николаем II по требованию царицы (Распутину было «видение свыше»); через два месяца она требовала у мужа: «Он просит тебя приказать начать наступление возле Риги, говорит, что это необходимо...» При этом царь, по-видимому, искренне считал, что близость к царской семье мужика, вызывающее поведение и скандальные похождения которого становились известными всей стране, подрывая престиж династии, есть его личное дело.

Безграмотные решения, вроде очередного призыва в армию в разгар полевых работ, приводили к волнениям в деревне, а мобилизация освобожденных от воинской службы среднеазиатских «инородцев» — к настоящему восстанию, с трудом подавленному через несколько месяцев. В ноябре 1916 г. правительство уже не в силах было справиться с продовольственным кризисом и объявило на 1917 г. продразверстку, которую губернские земства выполнять отказались. Паралич власти и дискредитация династии привели к тому, что в конце 1916 г. к царю обратились даже консервативный Государственный совет и съезд объединенного дворянства с просьбой об устранении влияния «безответственных сил». Поддержали ее и члены царской семьи: «Я только что возвратился из Бэкингемского дворца. Жоржи (английский король Георг. — *авт.*) был огорчен политическим положением в России. Агенты Интеллидженс Сервис, особенно очень хорошо осведомленные, предсказывают в России революцию. Я искренне надеюсь, Ники, что ты найдешь возможным удовлетворить справедливые

требования народа, пока еще не поздно», — предостерегал самодержца великий князь Михаил Михайлович. Но все было напрасно.

Неспособность Николая II понять сложность стоявших перед страной проблем активизировала оппозицию в Думе, и даже правоверные монархисты заговорили о дворцовом перевороте. Осенью 1916 г. лидер партии октябристов А.И. Гучков и его друзья обсуждали план захвата царского поезда во время проезда из Петрограда в Ставку. Арестованный царь должен был отречься в пользу наследника Алексея, а регентом назначить своего младшего брата Михаила. Можно предположить, что устранение непопулярного монарха, в сочетании с энергичными мерами по наведению порядка в тылу, могло бы не довести ситуацию в столице до взрыва. Но для осуществления замысла надо было иметь надежные воинские части под командой лихого генерала. Сам Гучков позднее признавал: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось». «Патриотическая тревога» правых обернулась кровавым фарсом: от рук убежденного монархиста В.М. Пуришкевича и князя Ф.Ф. Юсупова пал последний временщик Григорий Распутин. Но пародия на дворцовый переворот не смогла спасти монархию.

Императрица призывала мужа: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех... Распусти Думу сейчас же... Будь властелином, и все преклонятся перед тобой». Но было уже поздно. В царствование Николая II Россия прошла три периода развития (1894-1905 гг., 1905-1914 гг., 1914-1917 гг.). Начало каждого из этих витков давало возможность проведения реформ, а заканчивались они кризисом или революцией. Но во всех случаях царь и его ближайшее окружение неизменно отвергали скольконибудь последовательные реформы. В феврале 1917 г. Николай II больше всего думал о том, куда отправить детей после кори на отдых, и радовался отъезду из Петрограда в далекую и спокойную Ставку: «Мой мозг отдыхает здесь, — писал царь, — ни министров, ни хлопотливых вопросов, требующих обдумывания. Я считаю, что это мне полезно...»

События 25 февраля — 1 марта 1917 г. подробно изложены в учебниках: всеобщая стачка перешла в восстание войск и населения в Петрограде. Многовековая монархия, казавшаяся нерушимой основой российской государственности, рухнула за три фев-

ральских дня: государя некому было защищать, кроме столичной полиции и нескольких сотен оставшихся до конца верными солдат и офицеров. Разбежалось бессильное правительство. Николаю II отказала в поддержке армия — не только бунтовавший столичный гарнизон, но и командовавшие фронтами генералы. От царя отвернулась церковь — через несколько дней священники возносили молитвы за «благоверное» Временное правительство. Даже члены династии присоединились к победителям и нацепили красные банты, как это сделал будущий «император в изгнании» — великий князь Кирилл Владимирович.

2 марта 1917 г. российский император в вагоне личного поезда, остановленного всесильным профсоюзом железнодорожников Вик-желем на станции Дно под Псковом, протянул прибывшим к нему посланцам из охваченного восстанием Петрограда листок бумаги с отречением от престола. Последняя церемония в истории империи прошла на удивление буднично — государь «точно эскадрон сдал».

«...В эти решительные дни в жизни России сочли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думой признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедаем брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях и на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины».

В последнем акте царствования Николай остался верен себе. Отречение было недействительным, ибо нарушало имперский закон о престолонаследии: царь не имел права произвольно распоряжаться престолом и, тем более, отречься за сына-наследника. Парадокс состоял в том, что никогда не понимавший, как какой-то закон мог ограничивать самодержца, царь призвал своего преемника править «в

полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях» — тех самых, которые презирал как «парламентриляндию адвокатов».

Империю свалили очереди за хлебом — но никак не «немецкие деньги», о которых в последнее время опять немало говорят и пишут. Немецкий бизнесмен Парвус действительно подал в 1915 г. правительству Германии план подготовки России к революции, под который просил всего 5 млн марок. Этот «меморандум» от 9 марта 1915 г. включал несколько «мероприятий»:

<— Организация массовой общероссийской забастовки под лозунгом "Свобода и мир", руководимой из Петербурга. Она должна охватить оружейные заводы, железные дороги.*

— Взрывы железнодорожных мостов, которые парализуют снабжение больших центров, прервут подвоз войск и снаряжения к линиям фронта, что вызовет массовые волнения внутри страны.

— Подготовка конгресса ведущих российских социалистов-демократов в Швейцарии — на нем должен быть выработан единодушный призыв к действиям против царизма...

— Организация восстаний и забастовок в регионах с политическими лозунгами, поджоги нефтяных депо.

— Поддержка русских изданий за рубежом и местных партийных газет. Они должны создавать всюду настроения против царизма.

— Поддержка лозунга РСДРП "Свержение правительства и скорейшее заключение мира".

— Подстрекание антирусских настроений на Украине, в Финляндии и на Кавказе» (Комсомольская правда. 2001. 4 апреля).

Но совместные действия сепаратистов и революционеров оказались невозможными: Ленин отверг предложения украинских националистов, а другие левые партии поддерживали участие в войне до победного конца. «Массовая общероссийская забастовка» не состоялась ни в 1916, ни в 1917 г. Восстаний и диверсий на железных дорогах не было, да они и не понадобились: транспорт был дезорганизован несогласованными распоряжениями правительства и Ставки.

Что же касается пропаганды, то основной вклад в распространение антиправительственных настроений внесли не социалисты, а либералы. В обществе имели колоссальный успех думские речи лидера кадетов Милюкова, обличавшие «измену» и придворную «немецкую партию» под покровительством императрицы. Февральская революция была стихийным выступлением, никакие партии ее не готовили и не возглавляли, вопреки позднейшим уверениям советских историков о «руководящей роли» большевиков. Дума стремилась выторговать у царя уступки; царская чета полагала, что «самое трудное позади», и упорно видела врага в Думе, а Ленин и многие другие революционеры не ожидали скорого конца монархии.

«Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать», — страдал председатель Думы М.В. Родзянко, но в ночь на 28 февраля «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка» и принял власть от имени «Временного комитета членов Государственной думы». Рядом с ним появился другой центр власти — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Временный комитет с согласия Совета в ночь на 2 марта образовал Временное правительство из представителей Прогрессивного блока — кадетов во главе с П.П. Милюковым, октябристов во главе с А.И. Гучковым, прогрессистов (А.И. Коновалов). Министром юстиции стал единственный представитель социалистов А.Ф. Керенский. 3 марта от престола отказался великий князь Михаил Александрович, призвавший граждан подчиниться Временному правительству до поры, пока созванное «на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Без сопротивления новая власть утверждалась по стране: «С высоты от Лубянского пассажа вдаль к Охотному ряду темнела оживленной массой, может быть, стотысячная толпа. И между пешеходами то и дело мчались в разных направлениях грузовые и пассажирские автомобили, на которых стояли солдаты, и прапорщики, и студенты, а то и барышни, и, махая красными флагами, приветствовали публику, а та, в свою очередь, восторженно кричала им «ура». Лица у всех взволнованные, радостные — чувствовался истинный праздник, всех охватило какое-то умиление», — так выглядела Москва 1 марта 1917 г.

Интеллигенты у власти

Россия в одночасье стала одной из самых демократических стран в мире. Упразднены были полиция и корпус жандармов; отменены смертная казнь, все вероисповедные и национальные ограничения в имущественных правах, выборе места жительства и поступлении на службу и в учебные заведения. Исчезла цензура, на страницах свободной прессы тех дней можно было встретить даже призывы к объединению «товарищей воров и грабителей». Граждане могли свободно объединяться в общества и проводить любые собрания в любом месте, за исключением рельсовых путей. Восстанавливался мировой суд, расширялись права суда присяжных и отменялся для них имущественный ценз. В административных судах можно было обжаловать решения уездных и губернских властей. Выборы в земства и городские думы должны были проводиться на основе всеобщего и равного избирательного права. На предприятиях было узаконено создание фабзавкомов (рабочих комитетов). Приказ № 1 Петроградского совета предписывал выбирать солдатские комитеты воинских частей; теперь солдаты могли курить на улице, ездить в трамваях, участвовать в политических организациях, а офицеры обязывались обращаться к ним на «Вы». Ликвидировался государственный контроль над православной церковью, и через несколько месяцев Всероссийский церковный собор избрал нового патриарха — им стал московский митрополит Тихон.

Все ведущие политические партии (за исключением большевиков) обещали свою поддержку новому правительству, а само оно отличалось, говоря современным языком, высоким интеллектуальным рейтингом. Во всех составах Временного правительства участвовало 38 человек, принадлежавших к десяти различным партиям, и беспартийных. Большинство из них (11) были юристами, остальные — экономистами (4), врачами (4), инженерами (4) и предпринимателями (2). Среди них были: академик (С.Ф. Ольденбург), профессора (А.А. Мануйлов, Н.В. Некрасов, С.С. Салазкин), приват-доценты (М.В. Бернацкий, И.В. Годнее, А.В. Карташев, Ф.Ф. Кокошкин, П.Н. Милюков), доктора медицины (Годнее и Салазкин), истории (Милюков), политэкономии (Мануйлов), философии (Н.Д. Авксентьев). 16 человек прошли школу «российского парламентаризма» в качестве депутатов Думы. 10 человек испытали тюремное заключение и ссылки. Средний возраст министров составлял 45,5 лет. Все

они получили хорошую профессиональную и политическую подготовку, были известны общественной деятельностью и научными трудами, имели немалый жизненный опыт. Но всего через полгода последовал полный крах и утверждение у власти радикалов-большевиков...

«А. Я. Шингарев и Ф. Ф. Кокошкин были убиты матросами в январе 1918 г. Многие из министров ушли к белым и в эмиграцию (Авксентьев, Бернацкий, Д. Н. Вердеревский, А. И. Гучков, И. Ефремов, Карташев, Керенский, А. И. Коновалов, В. Н. Львов, Г. Е. Львов, Милюков, П. Н. Переверзев Ф. И. Родичев, С. А. Смирнов, М. И. Терещенко, Третьяков, И. Г. Церетели, В. М. Чернов, П. Юренев); в 1922 г. из советской России были высланы А. В. Пешехонов и С. Н. Прокопович. Другие служили советской власти (Мануйлов, Н. М. Кишкин, А. И. Верховский, П. Н. Малянтович, М. И. Скобелев, Н. В. Некрасов, А. М. Никитин, С. Л. Маслов, А. С. Зарудный). Внук основателя знаменитой галереи С. Н. Третьяков с 1929 г. стал сотрудничать с Иностранным отделом ОГПУ и был казнен фашистами в 1943 г. В 1938—1940 гг. Маслов, Верховский, Скобелев, Никитин, Шаховской, Малянтович и Некрасов были расстреляны чекистами; выжил в заключении лишь К. А. Гвоздев, освобожденный в 1956 г. Последним из министров Временного правительства в 1970 г. ушел из жизни Керенский, с 1940 г. живший в Нью-Йорке» (Извозик В. С. Временное правительство. Люди и судьбы // Вопросы истории. 1994. № 6. С. 163-169).

В 1920 г. В. И. Ленин обращался к бывшим политическим оппонентам: «Нашелся бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы начали социальную реформу?» Формально он был совершенно прав. Теоретически Временное правительство могло бы уже весной начать мирные переговоры с Германией, объявить о выборах в Учредительное собрание и от имени народа провозгласить реформы, в первую очередь аграрную.

Но правительство хотя и сулило скорое начало переговоров о мире, считало своим долгом продолжать войну, несмотря на ее очевидную непопулярность. Уже в апреле нота министра иностранных дел Милюкова, которой иностранные державы уведомлялись, что Россия

будет твердо соблюдать свои обязательства перед союзниками по Антанте, привела к взрыву возмущения в Петрофаде, в результате чего в отставку вынуждены были уйти военный министр и министр иностранных дел. Россию связывали союзнические договоры, финансовая зависимость и, наконец, моральный долг. Победа в войне, которая, хотя и в отдаленной перспективе, считалась неизбежной, сулила немалые барыши. Правительству — интеллектуальной элите страны — предстояло все это отбросить, и какой ценой? Надо было уступать занятую немецкими войсками территорию, т. е. соглашаться на мир на тех же условиях, как это сделали через год большевики. В 1917 г. в войну вступили Соединенные Штаты, и перевес Антанты над странами германского блока стал очевидным. Сепаратный же выход из войны сделал бы Россию страной, потерпевшей поражение, заставил выплачивать долги или вызвал бы международную изоляцию демократического правительства, как потом большевиков.

Вопрос о земле был не менее сложным. Реализация простонародного идеала «черного передела» привела бы к насильственной ломке всего существовавшего землевладения. Если бы пострадали только баре-латифундисты, сдававшие землю в кабальную аренду и проживавшие в Петербурге или в Париже, было бы не так уж страшно. Но как быть с теми землевладельцами (кстати, не обязательно дворянами), которые завели товарные фермерские хозяйства? Как бы отреагировали солдаты на фронте, узнав о начавшейся дележке земли? Что делать с землями самих крестьян, отобранными когда-то у «иностранцев» на окраинах империи или выделенными из общины в ходе столыпинской реформы? Что делать с казаками и их землями? Как относиться к совершенным сделкам на землю — продаже, залогу, дарению, договорам о долгосрочной аренде? Перечеркнуть все это одним махом должны были бы люди, всю жизнь боровшиеся за торжество законности.

Груз ответственности усугублялся тем, что в обществе не просматривалось согласия по этому поводу. «Братья! Не дайте России погибнуть, везите немедленно хлеб на станции и склады», — призывал М.В. Родзянко, но вместе с другими членами Думы протестовал против распоряжения министра земледелия А.И. Шингарева о реквизиции хлеба у помещиков. Правительство сразу решилось лишь на национализацию имущества и земли царской семьи. Тяжелая ситуация с продовольствием и снабжением городов заставила 25 марта обя-

вить все хлебные запасы собственностью государства, подлежащей обязательной продаже государственным продовольственным комитетам по твердым ценам. Но владельцы укрывали хлеб или сбывали его до постановки на учет, который комитетам так и не удалось наладить. Само же правительство, вопреки обещаниям, увеличило в августе в два раза закупочные цены, что повлекло за собой подорожание почти всех товаров.

Постановление «Об охране посевов» гарантировало неприкосновенность всем формам земельной собственности в деревне, но одновременно наделяло местные продовольственные органы правом передавать незасеянные поля новым владельцам, что крестьяне расценили как сигнал к дележу земель. В ответ Временное правительство грозило уголовной ответственностью и уговаривало: «Большая беда грозит нашей родине, если население на местах, не дожидаясь решения Учредительного собрания, само возьмется за немедленное переустройство земельного строя. Такие самовольные действия грозят всеобщей разрухой. Поля останутся незасеянными, и урожай не будет убран. В стране наступит нужда и голод. Да не случится этого».

Когда лидер эсеров, министр земледелия В.М. Чернов распорядился взять на учет не использовавшиеся самими помещиками пахотные земли, против него началась ожесточенная кампания со стороны дворянских обществ и съездов земельных собственников; обвиненный в сотрудничестве с немцами министр подал в отставку. Только 20 октября правительство приступило к обсуждению законопроекта о выкупе той части помещичьих земель, которая сдавалась в аренду крестьянам.

Но крестьян мало заботили форма и «классовый» состав власти; на уровне волостей и сел не было никакого «двоевластия». Сельские сходы диктовали свою волю приезжим «комиссарам» и часто без особого шума осуществляли земельный передел, не обращая внимания на губернскую и центральную власть: «Наша партия одна — Земля и Воля». «Черный передел» с захватом чужих земель и угодий вызывал войну крестьян против всех: государства, помещиков, хуторян, членов других общин и приезжих из городов, требовавших свою долю. Как отмечали современники, «...в праздник деревня отправлялась в церковь, а после обедни всем миром грабила соседние усадьбы». В сентябре министр продовольствия С.Н. Прокопович заявил: «Переход к принуждению является безусловно необходимым», — и готовил-

ся послать в деревню вооруженные отряды. А оттуда поднималась волна крестьянских выступлений с захватом «частновладельческих» земель: в марте было 260 случаев, в апреле — 880, в мае — 3000.

Осенью Чернов горько раскаивался: «Надо было с самого начала революции в срочном порядке дать новые временные законы, которые бы урегулировали все землепользование... Надо было сделать из земельных комитетов прочные, авторитетные органы государственной власти на местах, способные своевременными мерами — когда нужно, властными и решительными — предотвращать вспьики неудовлетворенных потребностей масс, идя навстречу тому, что в них есть здорового. Вместо этого мы опаздывали, опаздывали и еще раз опаздывали. Решительно каждая мера, направленная к вмешательству в старые неограниченные прерогативы собственников, натыкалась на ожесточенную оппозицию и вне, и внутри коалиционного правительства».

Путь медленных и частичных решений был бы возможным — при наличии сильной и эффективной «вертикали власти». Но ее-то у правительства и не было! С самого начала Временное правительство отодвинуло от власти Государственную думу, что было ошибкой. «Царская» Дума была избрана явно не демократически, но она была легитимным народным представительством, а главное — обладала опытом гласного обсуждения и принятия законов и контроля за финансами государства. В марте были уволены все губернаторы, хотя среди них были толковые администраторы; следом за ними упразднены земские начальники и весь полицейский аппарат. Глава государства князь Львов публично заявлял: «Правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет. На местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться не из центра, а самим населением». На местах же царило не двое-, а многовластие при отсутствии какой-либо правовой системы.

В итоге срочно пришлось назначать временных судей, милицию; посылать из центра комиссаров. Назначенные комиссары часто не обладали ни опытом, ни авторитетом и должны были считаться с Советами, земствами, прочими комитетами общественных организаций и волостным крестьянским самоуправлением, а в случае конфликта их сменяли те, в чьих руках была сила — чаще всего местные гарнизоны. По той же причине спешно созданные продовольственные комитеты не смогли обеспечить проведение хлебной монополии. Разгром поли-

ции и массовая амнистия привели к разгулу преступности, с которой не могла справиться непрофессиональная милиция из добровольцев.

Усталость от войны привела к развалу армии. Этому способствовали и поражения на фронте, и непонимание целей войны (в отличие от Германии, Россия не вела целенаправленной идеологической подготовки к ней своих граждан), и сам затяжной характер окопного противостояния под орудийным и пулеметным огнем. Эта война совсем не была похожа на войны прошлого. Отмена смертной казни и «старорежимной» дисциплины привела офицеров в ужас; но и в офицерском корпусе не было солидарности: многие прапорщики и поручики военного времени стали «социалистами» и выступили в качестве солдатских вожаков. Солдаты не понимали, почему пылкие речи политиков не подкрепляются выдачей им новых сапог и провианта. По их мнению, в окопы должны были теперь отправиться полицейские и прочие тыловики (в том числе и рабочие с их 8-часовым рабочим днем); им же можно отдохнуть и съездить домой, засеять поля — но Гучков и Милюков почему-то не обещали землю.

Попытки восстановить дисциплину (введение вновь смертной казни после провала летнего наступления) вызвали протесты и волну расправ над офицерами и генералами. Если подобные проступки и наказывались, то очень легко. Сама же власть провоцировала нетерпение в ожидании скорого конца войны приказами о частичной демобилизации солдат старших возрастов. В итоге Керенский в сентябре говорил о 2 млн дезертиров; полки сами смещали и назначали командиров, а Советы распускали по домам солдат.

25 марта было образовано «Особое совещание» по подготовке закона о выборах. Свое первое заседание оно провело только через два месяца, списки избирателей были составлены в сентябре, а проект новой конституции — к концу октября 1917 г. Россия представляла в нем президентской республикой с двухпалатным парламентом: нижняя палата должна быть выборной, а верхняя — состоять из представителей «важнейших организованных социальных и культурных сил страны» (земств, кооперативов, профсоюзов, торгово-промышленных организаций, высших учебных заведений) и служить «коррективом к партийной борьбе».

Правительство тщательно прорабатывало законы, медлило (долго обсуждался вопрос, давать ли избирательные права бывшему царю) и, по видимости, смертельно боялось «отклониться» от «стандартов»

демократии. Как будто совершенные демократические процедуры в стране, граждане которой на протяжении многих веков обходились без «прав человека» и обладали минимумом политической грамотности (да еще при массовой неграмотности), но зато с традициями авторитаризма и патриархальности, могли исключить партийные распри, олигархическое правление или новую диктатуру. В этой ситуации победителями выходили безответственные горлопаны, опирающиеся на наиболее нетерпимых. Массы крестьян и рабочих (часто вчерашних крестьян, сохранявших надел в деревне) едва ли разбирались в юридических тонкостях — их волновали результаты, а не устройство новых государственных институтов. Временное правительство, как назло, запаздывало — в то время, когда каждая неделя усиливала кризис в стране.

«Наша дворничиха, тетя Паша, верит, что теперь все дешево будет. Хлеб, ждут, подешевеет до 3 копеек, сахар, масло тоже», — так восприняли революцию рядовые обыватели. Вышло же наоборот: до войны фунт мяса стоил в Москве 19 коп., в марте 1917 г. — 65 коп., к ноябрю — 2 руб. 80 коп. В городах вводились карточки на хлеб, затем на чай, сахар, молоко и другие продукты; устанавливались «твердые цены» на уголь, металл, нефть, кожу, соль, яйца, мясо, махорку. Предприятиям не хватало сырья и топлива. С перерывами работали железные дороги. Промышленники и казенные фабрики требовали дотаций, а рабочие и служащие — повышения зарплаты. Горничные, кухарки, прачки желали получать за сверхурочную работу по двугри-венному в час и полагали, что после революции уже хозяева должны представлять им рекомендации: кто как кормит и как обращается с прислугой. Извозчики заламывали цены: «А торговаться будете, совсем не поеду, и никто меня не заставит, фараонов ныне нет». Пролетарии устраивали в переполненных вагонах «трамвайную борьбу с буржуями». Неуютно чувствовали себя в правлении «министров-капиталистов» и сами «буржуи».

«... Купил газету сам, потому что все домашние пошли в хвосты за более существенным: кто за молоком, кто за хлебом. Осмотрел свою жалкую обувь, надо бы сменить подошвы, да сказали, что дешевле 12 р. сапожник не берет. Новые ботинки можно купить рублей за 70, а если встать в хвост у «Скорхода», то надо посвятить на это 3 дня (да-

ют отпуски на кормежку и за «нуждой», т. в. так сговариваются сами хвостецы, чередуясь между собой). Пошел в контору. На трамвай, конечно, не попал, но мог бы доехать на буфере, если бы там уже не сидело, вернее, не цеплялось человек 20. По тротуарам идти сплошь не приходится. Он занят хвостами: молочными, булочными, табачными, чайными, ситцевыми и обувными. Зашел в парикмахерскую. Делаю это вместо двух раз в неделю только один: за побритье с тачаем» заплатил 1 р. 10 к. ...Работают в конторах, на пристанях, на вокзалах, в амбарах (по транспортной части) лениво, небрежно и часто недобросовестно. Цены на все поднимаются, а нравы падают. Дисциплины никакой нет. Мало-мальски ответственное дело (как у меня, например), а дрожишь беспрестанно. Все идет не так, как нужно, нервирует тебя целый день всякое зрелище, всякий разговор, каждая бумажка, а в особенности, заглядывание в неясности любого завтрашнего дня. И придя домой и усевшись за обеденный стол, узнавал, что стоит то, другое. Фунт черного хлеба 12 к., булка из какой-то серой муки 17 к., курица 5 р. 50 к. (старая, жесткая и даже не курица, а петух), стакан молока (может быть, разбавленного водой) — 20 к., огурец 5 к. штука, и это все приобреталось не где-нибудь поблизости от квартиры, а в Охотном ряду, так сказать, из первых рук, то есть с соблюдением всевозможных выгод. После обеда пошли с горя, что ли, в электрический театр. Конечно, набит битком, и надо было заплатить за вход по 1 р. 50 к. с человека, а, бывало, за эту же цену сидели в Малом театре, смотрели Ермолову, Садовского, Лешковскую. Вот такая жизнь в Москве среднего буржуа на рубеже четвертого года войны и сто сорок пятого дня революции!» (Окунев Н.П. Дневник москвича (1917—1924). Париж, 1990. С. 60-61).

На Государственном совещании в августе министр внутренних дел Н.Д. Авксентьев говорил, что страна находится в «положении развала, распыленности власти, распыленности воли, групповых устремлений, где часто царствуют частные интересы, которые далеки от общего». Министр финансов Н.В. Некрасов конкретизировал: «За первые

три месяца поступления государственного поземельного налога упали на 32% по сравнению с 1916 годом, с городских недвижимых имуществ — на 41%, квартирных — на 43%, военного — на 29%, промышленного — на 19%». Выходом стали повышение налогов и работа печатного станка. По словам Некрасова, «ни одно царское правительство не было столь расточительным, столь щедрым в своих расходах, как правительство революционной России»: за полгода напечатано более 1 млрд 200 млн бумажных денег — по сравнению с 290 млн в 1916 г. Масса обесцененных «керенок» (при сокращении производства к осени на 36%) вызвала дефицит повседневных товаров: папирос, мыла, чая, бумаги, тканей — и еще больший рост цен.

В столице власть переживала один кризис за другим. Новое коалиционное правительство, куда после ухода в апреле Гучкова и Милюкова вошли эсеры и меньшевики, распалось после провала июньского наступления на фронте и провозглашения автономии Украины. Именно в это время Военная организация и Петроградский комитет партии большевиков пытались поднять 3—4 июля восстание солдат и матросов для захвата власти. Оно было подавлено, но новое правительство продержалось только до корниловского выступления в августе.

Лидер либералов П.Н. Милюков в августе писал: «История проклянет вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю... Спасение России в возвращении к монархии; знаем, что все события последних месяцев ясно показали, что народ не способен был воспринять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие, голосующие за республику, делают это из страха. Все это ясно, но признать это мы не можем. Признание есть крах всего дела и всей нашей жизни, крах всего мировоззрения... Признать не можем, противодействовать не можем, соединиться с... правыми... тоже не можем», — по-видимому, он уже не верил в возможность воплощения демократических идей, слишком хороших для России. Что же оставалось?

От Корнилова до Ленина

Корниловская попытка окончилась неудачей. Обстоятельства этого провала были таковы, что социалисты, входившие во Временное пра-

вительство, окончательно и бесповоротно лишились доверия патриотического офицерства и умеренно-правых предпринимательских кругов. В случае успеха этого союза ход событий был бы существенно иным.

«Передо мной "Московские ведомости" от 29 ноября 1917 года. Крупными буквами набрано: "Вчера в Петрограде открылось Всероссийское учредительное собрание. Старейший депутат социалист-революционер Шевцов предложил избрать председателем собрания лидера партии большинства — эсера Виктора Михайловича Чернова. В первом чтении принят закон о земельной реформе. Временное правительство сложило полномочия перед народными избранниками. Председатель Предпарламента эсер Н.Д. Авксентьев предложил ввести в России президентскую форму правления. А.Ф. Керенский — всенародный кандидат в первые российские президенты. Заявление большевиков: Каменев — "мы были на волосок от гражданской войны". Лидер меньшевиков-интернационалистов Лев Мартов предложил избрать правительство национального согласия "от народных социалистов до большевиков". Партия народной свободы заявляет, что поддержит такое правительство, если оно представит реалистическую экономическую программу. Керенский — "Россия не созрела для социалистического эксперимента". Учредительное собрание большинством против 97 голосов приняло заявление о моратории на военные действия до 1 апреля..."

Я стал лихорадочно листать следующие номера. Из них узнаю, что в декабре 1917 года было образовано однородное социалистическое правительство В. Чернова, в котором министром внутренних дел стал большевик М. Покровский, а министром просвещения — А. Луначарский. Кресло министра иностранных дел досталось Л. Мартову, правительство пригласило на пост председателя Главного экономического совета кадета А. Коновалова, а П. Милюков отправлен послом России в Лондон. Немцы согласились на пятимесячное перемирие, началась демобилизация трети состава русской армии. Земельные комитеты организованно

проводят изъятие и распределение помещичьих земель, а в Петрограде заседает главный трудовой арбитраж — Центральная примирительная камера — с равным участием рабочих, профсоюзов и предпринимателей.

Но больше всего меня потрясают события в большевистской, партии. Оказывается, еще 10 октября 1917 года... в ЦК большевиков произошел раскол. Ленин и Троцкий оказались в меньшинстве. По их настоянию срочно был созван съезд партии, состоявшийся 17—19 октября в Петрограде. На этом съезде большинство депутатов с мест одобрили линию Каменева и Зиновьева о поисках компромисса с другими социалистическими партиями! Ленин и Троцкий и их немногочисленные сторонники вышли из РСДРП (б) и заявили о создании новой партии — Коммунистической. Опасность гражданской войны ликвидирована^, — таким увидел возможное развитие событий один из крупнейших отечественных исследователей (Старцев В. И. Альтернатива. Фантазии и реальность //Коммунист. 1988. № 15. С. 33).*

1 сентября 1917 г. Ленин в статье «О компромиссах» сделал от имени партии большевиков следующее предложение: «Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собою разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания без новых отяжек или даже в более короткий срок. Меньшевики и эсеры, как правительственный блок, согласились бы (предполагая компромисс осуществленным) составить правительство целиком и исключительно ответственное перед Советами, при передаче в руки Советов всей власти и на местах». Такое предложение, означавшее переход правительства под контроль Советов (как раз в начале сентября большевистскими стали Советы обеих столиц), не устроил левые партии. Тогда Ленин меняет тактику: уже 15 сентября 1917 г. он шлет в ЦК РСДРП(б) письма с требованием подготовки вооруженного восстания.

А Керенский, оттолкнув умеренно-правые силы, создал свой последний кабинет, просуществовавший с 25 сентября по 25 октября и не предложивший стране ничего, кроме правой программы: продолжение войны, восстановление дисциплины в тылу, недопустимость «земельных захватов». Министры мечутся по стране, пытаются погасить конфликты, вывезти с юга хлеб, прекратить забастовки. Они терпят поучения послов союзных держав (требующих «доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу») — и капитулируют перед общей стачкой железнодорожников, обещая им прибавки к жалованию. Порой правительство даже не могло собрать кворума, чтобы проводить заседания кабинета. Керенский вновь и вновь произносит речи и проводит последнюю «реформу» — упраздняет Государственную думу и Государственный совет.

К осени власть растеряла кредит доверия. Она не имела прочной опоры даже в партиях своих министров. Кадеты еще в июне потерпели поражение на выборах в городские думы, а их отказ признать автономию окраин привел к разрыву с национальными «филиалами» партии на Украине и в Литве. На Всероссийской конференции меньшевиков в мае часть их во главе с Мартовым выступила против войны, а группа Плеханова — за ее продолжение. Раскол произошел и в партии эсеров: на левых — сторонников радикальных реформ и правых, поддержавших правительство.

В сентябре-октябре бастовало 2,4 млн человек. Разгул преступности и дороговизны пугал горожан. Озлобление на спекулянтов приводило к росту «антибуржуйских» настроений «улицы», которые смыкались с недовольством распущенных солдат. По сообщениям армейских и губернских правительственных комиссаров, ситуация в армии обострилась — солдаты не хотели провести еще одну зиму в окопах.

Но если на фронте дисциплину еще как-то удавалось поддерживать, то тыловые гарнизоны вышли из-под контроля. Летом начались погромы под нехитрыми лозунгами: «Смерть богачам-кровососам! Разорвем их поганые глотки, чтобы они нас, несчастных, не предавали за медный пятак! За мной, уничтожим всех буржуев!» В Липецке, Ржеве, Новочеркасске, Ельце, Курске, Торжке, Екатеринбурге, Белгороде, Кутаиси, Острогжске солдаты громили винные заводы и склады, а затем лавки и магазины. 30 сентября историк Ю.В. Готье

записал в дневнике: «Аграрные и городские погромы везде — Козлов, Тамбов, Рязань, Харьков, Одесса, Бендеры и т. д. Деморализация идет вширь и вглубь». В первой половине октября 2-й гвардейский корпус (Юго-Западный фронт) «со страшными грабежами, предавая все помещичьи усадьбы огню и мечу, прошел... через всю Подольскую губернию».

На имя Керенского и его министров приходили сотни телеграмм об «аграрных беспорядках», погромах, самоуправстве солдат, разгуле преступности. Об атмосфере того времени дают представление заголовки московских газет 25 октября 1917 г.: «Анархия», «На погромах», «Бои в Казани», «Захват фабрик и заводов», «Бесчинства солдат», «Продовольственные беспорядки», «Голод», «Разгром имения Тянь-Шаньского», «Захват мельниц», «Ультиматум городских служащих» и т. п. Распушенный Временным правительством финский сейм провозгласил свои верховные права на территории Финляндии, на Украине объявила себя высшей властью Центральная Рада. Уличные «хвосты»-очереди и стихия городского дна быстро разочаровали обывателя в еще недавно восторженно принятой революции: ее символ — «царица-свобода» — стал восприниматься оборванной и опустившейся уличной девкой. Энтузиазм и митинговая активность сменились апатией и надеждой на любую власть, которая обеспечит, наконец, хоть какой-то порядок.

К тому времени на первое место выдвинулись большевики с лозунгами, намеченными Лениным в «Апрельских тезисах»: власть — Советам (а не парламентской демократии западного типа); национализация земли, банков и синдикатов; контроль Советов над производством и распределением; устранение профессионального чиновничества, армии и полиции. В сентябре-октябре обозначился процесс «большевизации» Советов: сторонники Ленина получили значительное число голосов в местных органах власти. Сама партия увеличилась с 24 тыс. членов в феврале до 400 тыс. в октябре. Для 150-миллионной страны это немного, но остальные были не многочисленнее: в период небывалой ранее политической активности 1917 г. все партии едва ли включали 1,5% населения, и вопрос состоял в том, на чьей стороне были симпатии остальных.

«Советская власть отдаст все, что есть в стране, бедноте и окопникам. У тебя, буржуй, две шубы — отдай одну солдату, которому холодно в окопах. У тебя есть теплые сапоги? Посиди дома. Твои сапоги

нужны рабочему», — гремел на митингах Троцкий, и его слова повторялись множеством других агитаторов. «Земля, хлеб и мир» звучало куда понятней, чем абстракции вроде «республики» и «демократии». Перед слушателями представляли люди, которые, оказавшись у власти, все смогут. Другое дело, насколько эти десятки и сотни тысяч людей (и им сочувствовавшие) становились сознательными последователями учения Карла Маркса: на улице говорили, что большевик тем отличается от меньшевика, что хочет дать народу больше. Это, собственно, с обезоруживающей простотой признавал в 1917 г. и сам Ленин: «В результате под знамя большевизма идет всякий недовольный, сознательный революционер, возмущенный борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек».

Успех «большевизации» обеспечил ее антибуржуазный характер. Позднее развитие и особенности российского капитализма не смогли сделать его единой экономической базой общества, в котором отсутствовали те самые средние слои, которые обычно являются опорой многопартийности и стабильности политической системы.

В предреволюционной России для получения избирательных прав требовалось отвечать имущественному цензу: обладать недвижимым имуществом, иметь торгово-промышленные свидетельства на право заниматься предпринимательской деятельностью, арендовать квартиру и уплачивать квартирный налог (так жили врачи, юристы, преподаватели, техническая интеллигенция, лица свободных профессий, чиновники). Если признать «средним классом» этих «цензовых граждан» (с соответствующим образованием, квалификацией, образом жизни, уровне потребления и представлениями человека о самом себе), то в 1907 г. в 50 губерниях Европейской России их было 1288 тыс. За вычетом тех, «кому на Руси жить хорошо», т. е. высших чиновников, генералитета, латифундистов, крупной буржуазии (60 тыс. семей или 366 тыс. человек, т. е. около 0,34% населения), остается 5,5%; все остальные — 94,2% — были «низшим классом». Отставание России от развитых стран (в Великобритании в 1911 г. -20,3%; в США в 1910 г. -21,4%, ас фермерами — 37,9%) по численности среднего класса объяс-

мялось неразвитостью института частной собственности и экономической отсталостью (Миронов Б.Н. Опора, буфер и гарант //Родина. 2001. № 4. С. 47-48).

Глубокое расслоение общества и сохранявшийся с XVIII в. социокультурный раскол внушали не лучшие чувства к «господским» ценностям собственности и права. «Рабочие называют буржуями всех нерабочих, крестьяне — всяких «господ», — так характеризовала массовые настроения пресса того времени. Ленин оценил причины популярности своей партии: «По инстинкту, по чувству, по влечению революции против капиталистов сочувствует в России большинство населения».

Но не было фатальной предопределенности победы большевиков. Военный министр А. И. Верховский в октябре признал, что армия воевать больше не может, поэтому надо убедить союзников разрешить России выйти из войны, хотя бы временно. Это позволило бы уволить большую часть солдат, сформировать новую армию на добровольческих началах, которая на заключительном этапе войны присоединилась бы к союзникам. Сотрудники американской миссии Красного Креста полковник Томпсон и подполковник Робине 18—20 октября советовали Керенскому «украсть» у большевиков их лозунги передачи земли крестьянам и власти Советам и сформировать из социалистов правительство, ответственное перед ЦИК Советов первого созыва. В такое правительство могли бы войти «умеренные» большевики (как Каменев или Луначарский). А в рядах большевиков назревал раскол. Только 10 октября Ленин после упорного сопротивления смог одержать победу над Каменевым и настоял на принятии ЦК решения о вооруженном восстании. Если бы это решение не состоялось — пришлось бы созывать партийный съезд и терять время.

Но Керенский упрямо отказался от этих предложений. Он был уверен: «У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно», — и уволил Верховского «по состоянию здоровья». Позднее он выдвинет версию о заговоре «справа» против Временного правительства: якобы военные специально решили не оказывать ему поддержки, а затем, уже после падения правительства, подавить революцию. Начальник гвардейских частей округа полковник С.И. Назимов вспоминал, как 24 октября доложил министру-председателю: «При возникновении нового восстания часть полков, вероятно, примет ак-

тивное участие для поддержания Советов, а другая отнесется пассивно и останется в казармах. Мое заявление произвело на Керенского потрясающее впечатление. Он схватился за голову и воскликнул: "Что вы говорите! Не может быть"».

А большевистские вожди умели не только «слиться с массой»; созданный «большевизированным» Петроградским советом Военно-революционный комитет быстро организовал восстание, которое было осуществлено при подавляющем перевесе сил. У Временного правительства, как и у Николая II в феврале, не нашлось защитников: в Зимнем дворце оказалось 2 тысячи юнкеров и «дамская» рота. Как известно, кровопролитного «штурма» не было — подъезды со стороны набережной даже не охранялись.

Варианты мирного развития революции были возможны и после захвата большевиками власти. Но отсутствие нормальной «школы» легальной политической борьбы и острота межпартийных противоречий сделали невозможным компромисс не только левых с кадетами, но даже между левыми силами.

Уже в ходе восстания на II съезде Советов Мартов предложил создать коалиционное демократическое правительство. Предложение получило поддержку депутатов, но выступления других представителей меньшевиков и эсеров с обвинениями большевиков в «авантюре» привели к разрыву. После яростной перебранки меньшевики и правые эсеры покшгули съезд — и уступили противникам «арену революции», в чем каялись позднее.

В конце октября — начале ноября 1917 г. на переговорах Викжеля с большевиками и Комитетом спасения Родины и революции (включавшим меньшевиков, эсеров, представителей городской думы и профсоюзов служащих) была достигнута договоренность о создании «однородного социалистического правительства» во главе с В.М. Черновым, в которое от большевиков вошли бы А.И. Рыков, Л.Б. Красин, М.Н. Покровский. Соглашение с Викжелем было отвергнуто большинством голосов ЦК во главе с Лениным и Троцким. Логическим завершением этого курса был разгон в январе 1918 г. демократически избранного Учредительного собрания. Но вопреки всем ожиданиям, большевики не только захватили власть, но и смогли ее удержать.

В истории России всегда особую роль играли центральная власть и государственный аппарат. Об этом писал Ленин, анализируя опыт

выборов в Учредительное собрание: эсеры и меньшевики получили на выборах 62% голосов, кадеты и правые — 13%, большевики же всего 25% — и удержали власть, т. к. «имели, если позволительно употребить военный термин, могучий "ударный кулак" в столицах. В решающий момент в решающем пункте иметь подавляющий перевес сил — этот "закон" военных успехов есть также закон политического успеха, особенно в той ожесточенной, кипучей войне классов, которая называется революцией. Столицы или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас в России эти понятия совпадали...) в значительной степени решают политическую судьбу народа, разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными деревенскими силами».

Имея «ударные кулаки» в виде сконцентрированного в столице и крупных центрах пролетариата, солдат и матросов, большевики могли не обращать внимания на свой проигрыш в отдаленных губерниях. А поддержка — хотя бы временная — большинства была достигнута серией декретов нового правительства — Совета народных комиссаров. В ноябре 1917 — январе 1918 г. большевики провозгласили реформы, на которые не решилось Временное правительство: приняли декреты о мире и о земле (последний содержал, как известно, эсеровскую программу конфискации казенных и помещичьих земель и их передачу местным земельным комитетам и Советам для уравнительного распределения), «Декларацию прав народов России»; отменили сословия, титулы и чины; уравнили в гражданских правах мужчин и женщин. Был принят декрет о постепенной демобилизации армии и подписан договор с немцами о перемирии. Появились — декреты о 8-часовом рабочем дне, бесплатном медицинском обслуживании и обучении в школе, увеличении на 100% размера пенсий по инвалидности рабочим, отделении церкви от государства и школы от церкви.

События октября 1917 г. до сих пор вызывают споры и полярно противоположные оценки — от «великой социалистической революции» до «переворота», совершенного группой экстремистов или даже участников «жидомасонского заговора». Захват власти большевиками в Петрограде вполне можно назвать переворотом. Но за этим переворотом последовала подлинная революция — новая власть в короткий срок изменила не только политический режим, но и социальную структуру, преобразовала хозяйственный уклад, отношения собственности, духовную атмосферу.

Определения типа этой революции можно встретить самые разные: социалистическая, якобинская, пролетарско-якобинская, крестьянская, маргинальная и т. д. Такое различие во многом вызвано сложностью самого процесса, в котором слились различные по своему происхождению и целям политические силы: выступление пролетариата, солдатские бунты, крестьянская «общинная революция», национально-освободительное движение окраин. Катализатором этого процесса служила война, обострившая все противоречия в обществе и вызвавшая экономический кризис, с которым не смогли справиться ни монархия, ни демократия. События октября 1917 г. можно назвать «комплексом революций в эпоху мировых войн» (определение японского историка Харуки Вада). Результатом стало создание нового общественного строя, для которого до сих пор еще не нашли точных определений.

Подробнее на эту тему:

- Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
- Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.
- Рабинович А. Революция 1917 года в Петрограде. Большевики приходят к власти. М., 2003.
- Рейли Д. Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995.
- Вада Х. Российские революции 1917г. как комплекс революций в эпоху мировых войн // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994.